

ДЖОЗЕФ ЛЕ ФАНЮ

ДАВНИЙ ЗНАКОМЫЙ

Часть сборника: Гости с того света (сборник)

Хесселиус Мартин

Джозеф ле Фаню
Давний знакомый

«ЭКСМО»

1847

ле Фаню Д. Ш.

Давний знакомый / Д. Ш. ле Фаню — «Эксмо»,
1847 — (Хесселиус Мартин)

«Случаев, более или менее сходных с описанным в рассказе „Зеленый чай“, мне известно двести тридцать или около того. Из них я выбрал один и привожу его ниже под названием „Давний знакомый“...»

© ле Фаню Д. Ш., 1847

© Эксмо, 1847

Содержание

Пролог	5
Глава I	7
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Давний знакомый

Пролог

Случаев, более или менее сходных с описанным в рассказе «Зеленый чай», мне известно двести тридцать или около того. Из них я выбрал один и привожу его ниже под названием «Давний знакомый».

Доктор Гесселиус пожелал присовокупить к настоящему манускрипту ряд своих собственных замечаний на нескольких листочках бумаги, исписанных мелкими, размером чуть больше печатных, буквами. Вот что он пишет:

«Что касается добросовестности, то лучшего рассказчика, чем достопочтенный ирландский священник, от которого я получил бумаги с описанием случая мистера Бартона, едва ли можно пожелать. Для медика, однако, такого отчета недостаточно. Чтобы вынести свое суждение с уверенностью, мне желательно было бы ознакомиться с рассказом сведущего врача, наблюдавшего развитие болезни и пользовавшего пациента начиная с ранних стадий ее течения и до конца. Мне бы следовало знать о возможной наследственной предрасположенности мистера Бартона; не исключено, что по каким-либо ранним симптомам удалось бы проследить корни болезни в более отдаленном прошлом, чем это доступно сейчас.

Упрощая, можно свести все подобные случаи к трем основным видам. Приводимая мной классификация опирается на первичное различие между субъективным и объективным. Часть из тех, кто утверждал, что их восприятию представлялись некие сверхъестественные явления, не более чем визионеры, жертвы иллюзий, порожденных болезнью мозга или нервов. В других случаях не приходится сомневаться во вмешательстве внешних, скажем так, духовных сил. И наконец, бывают тягостные состояния смешанного происхождения. Внутреннее восприятие больных и в самом деле обострено, но оно становится и остается таковым по причине болезни. Болезнь эту можно в определенном смысле сравнить с потерей наружного слоя кожи, с обнажением тех поверхностей, которые ввиду их особой восприимчивости природа снабдила защитной оболочкой. Нарушение этого покрова сопровождается постепенной утратой чувствительности к нежелательным воздействиям. Что касается мозга и тех нервов, которые имеют непосредственное отношение к его функционированию и к чувственному восприятию, то мозговое кровообращение периодически подвергается тем самым расстройствам, имеющим характер вибраций, которые я детально изучил и описал в своем исследовании под номером А-17. Указанные расстройства, как я доказываю, не имеют ничего общего с приливами крови – феноменом, которому посвящено исследование под номером А-19. Будучи чрезмерными, упомянутые нарушения неизменно сопровождаются *иллюзиями*.

Если бы я имел возможность осмотреть мистера Бартона и выяснить все детали, нуждающиеся в уточнении, мне не стоило бы ни малейшего труда

соотнести известные мне феномены с вызвавшей их болезнью. В данном же случае мой диагноз поневоле не выходит за рамки предположений».

Это пишет доктор Гесселиус и приводит прочие рассуждения, понятные лишь специалистам в области медицинской науки.

А рассказ преподобного Томаса Херберта, в котором содержится все, что известно об интересующем нас случае, приводится в нижеследующих главах.

Глава I

Шаги

В то время я был молод и близко знаком с некоторыми из действующих лиц этой странной истории; вот почему обстоятельства, с нею связанные, произвели на меня столь глубокое, надолго засевшее в памяти впечатление. Постараюсь теперь изложить все указанные обстоятельства в точности, соединяя, разумеется, в рассказе данные, почерпнутые из разных источников, и пытаюсь, насколько возможно, рассеять тьму, которая с начала и до конца окутывает эту историю.

Году приблизительно в 1794-м младший брат некоего баронета – назову его сэр Джеймс Бартон – возвратился в Дублин. Капитан Бартон заслужил отличия во флоте, командуя одним из фрегатов его величества почти все время, пока длилась американская Война за независимость. Капитану Бартону было года сорок два – сорок три. Он мог при желании быть умным и приятным собеседником, но обычно вел себя сдержанно, иногда даже казался угрюмым.

В обществе, однако, он держался светски, как джентльмен. Ему ни в коей мере не были присущи шумные, грубоватые манеры, за частую свойственные морякам; напротив, его поведение отличалось непринужденностью, спокойствием, даже лоском. Роста он был среднего, сложения довольно крепкого; лицо выдавало склонность к размышлениям и обычно носило на себе отпечаток серьезности и меланхолии. Будучи, как я уже говорил, человеком превосходно воспитанным, отпрыском благородного семейства и обладателем крупного состояния, капитан Бартон не нуждался, разумеется, в дальнейших рекомендациях, чтобы получить доступ в лучшее общество Дублина.

В повседневной жизни мистер Бартон был неприхотлив. Он занимал апартаменты на одной из фешенебельных в то время улиц в южной части города, но держал всего лишь одну лошадь и одного слугу; слыл вольнодумцем, однако вел упорядоченную, высокоморальную жизнь – не склонен был ни к игре, ни к выпивке, ни к каким-либо другим порокам. Он был погружен в себя, ни с кем близко не сходил, друзей не заводил. Общество, судя по всему, привлекало его скорее веселой, бездумной суетой, чем возможностью обменяться с кем-либо своими мыслями и настроениями.

В результате Бартон прослыл человеком бережливым, благоразумным и замкнутым, имеющим хорошие шансы устоять против хитрых уловок и прямых атак и сохранить свое холостяцкое положение. Похоже было, что он доживет до глубокой старости и умрет богатым, завещав свои деньги какой-нибудь больнице.

Вскоре, однако, стало ясно, что жизненные планы мистера Бартона были поняты в корне неверно. В то время в свете появилась некая молодая леди, назовем ее мисс Монтегю, введенная туда ее тетей, леди Л., вдовой. Мисс Монтегю была неоспоримо красива и превосходно воспитана. Обладая природным умом и изрядной долей веселости, она стала на время любимицей общества.

Тем не менее популярность на первых порах не приносила ей ничего, кроме эфемерного восхищения окружающих, пусть лестного, но ни в коей мере не сулившего скорого брака, ибо, к несчастью для упомянутой молодой леди, было общеизвестно, что, кроме привлекательности, ровно никаких земных благ у нее за душой не имеется. При таком положении вещей не приходится сомневаться, что появление у бесприданницы мисс Монтегю признанного поклонника в лице капитана Бартона повергло общество в изумление.

Его ухаживания, как следовало ожидать, были встречены благосклонно, и в скором времени каждому из полутора сотен близких друзей старой леди Л. было сообщено персонально, что капитан Бартон действительно предложил мисс Монтегю, с одобрения ее

тетушки, руку и сердце; что, более того, предложение его принято – при условии согласия отца невесты, который следовал на родину из Индии и должен был прибыть в ближайшие две-три недели.

Браку ничто не препятствовало, отсрочка представлялась не более чем формальностью, так что помолвка считалась делом решенным, и леди Л., верная старомодному обычаю, которым ее племянница, разумеется, охотно бы пренебрегла, удержала девушку от дальнейшего участия в городских увеселениях.

Капитан Бартон был в доме частым гостем, порой засиживался подолгу и на правах нареченного жениха пользовался всеми преимуществами тесного, непринужденного общения с невестой. Таковы были отношения между действующими лицами моего повествования к тому времени, когда на него пала тень грядущих загадочных событий.

Леди Л. обитала в красивом доме на севере Дублина, а квартира капитана Бартона, как уже было упомянуто, располагалась на юге. Оба жилища разделяло значительное расстояние, и капитан Бартон завел себе привычку, проводя вечер в обществе старой леди и ее прекрасной воспитанницы, возвращаться домой пешком и в одиночестве.

Кратчайший маршрут таких ночных прогулок пролегал вдоль одной довольно длинной недостроенной улицы – стены домов только-только начали подниматься над фундаментами.

Однажды вечером, вскоре после обручения с мисс Монтегю, капитан Бартон дольше обычного пробыл у своей невесты и леди Л. Речь зашла об откровении свыше, которое он оспаривал с полнейшим неверием заядлого скептика. В те дни в высшее общество уже положили себе дорогу так называемые «французские принципы» – в особенности те из них, что перекликаются с либерализмом. Не избежали этой заразы и старая леди с ее воспитанницей. Вот отчего взгляды мистера Бартона не были сочтены серьезным препятствием для предполагаемого брака. Разговор тем временем перешел на сверхъестественные и загадочные явления, причем и тут мистер Бартон прибегал все к тем же не лишенным язвительности аргументам. Несправедливо было бы обвинять его в желании покрасоваться: доктрины, которые отстаивал капитан Бартон, являлись основой его собственных, если можно так выразиться, верований. Из всех странных обстоятельств, затронутых в моей повести, не последнюю роль играет тот факт, что жертва напастей, которые я собираюсь описать, в силу лелеемых годами принципов упорно отвергала возможность так называемых сверхъестественных явлений.

Было глубоко за полночь, когда мистер Бартон распрощался и пустился в свой одинокий обратный путь. Он достиг уже той безлюдной дороги, где над фундаментами едва возвышались незаконченные стены будущих домов. Туманно светила луна, и под ее тусклыми лучами дорога, по которой шел Бартон, казалась еще мрачнее; царило полное, непонятным образом волновавшее душу безмолвие, не нарушаемое ничем, кроме шагов Бартона, неестественно громких и отчетливых.

Он шел так некоторое время, а затем внезапно слышал другие шаги, размеренно ступавшие, казалось, метрах в десяти позади него.

Ощущение, что кто-то следует за тобой по пятам, всегда неприятно, а особенно в столь уединенном месте. Капитан Бартон резко обернулся, рассчитывая оказаться лицом к лицу с преследователем, но, хотя луна светила достаточно ярко, ничего подозрительного на дороге не обнаружил.

Стук не был отзвуком его собственных шагов: Бартон убедился в этом, потопав ногой и быстро пройдясь взад-вперед в безуспешных попытках разбудить эхо. Не будучи ни в коей мере склонным к фантазиям, Бартон тем не менее вынужден был приписать шаги игре своего воображения и счесть их иллюзией. Рассудив таким образом, он вновь пустился в путь. Но едва он сошел с места, как сзади опять послышались таинственные звуки, и в этот раз, словно в доказательство, что с эхом они не имеют ничего общего, шаги то постепенно замирали, почти совсем останавливаясь, то переходили в бег, а затем опять замедлялись.

Как и в первый раз, капитан Бартон резко обернулся, но результат был тот же: на одинокой дороге не виднелось ровно ничего. Он пошел обратно по своим следам, рассчитывая обнаружить причину смутивших его звуков, но безуспешно.

При всем своем скептицизме Бартон почувствовал, что им постепенно овладевает суеверный страх. Не в силах отделаться от этих столь непривычных ощущений, Бартон опять двинулся вперед. Таинственные звуки не возобновлялись, но, когда он достиг того места, где прежде остановился и повернул назад, шаги послышались вновь, время от времени учащаясь, отчего казалось, что неведомый преследователь вот-вот наткнется на уstraшенного пешехода.

Капитан Бартон в очередной раз остановился. Непостижимость происходившего вызвала у него непонятные, мучительные чувства, и, поддавшись волнению, он резко крикнул: «Кто там?» Собственный голос, прозвучавший в полной тишине и сменившийся столь же глубоким безмолвием, показался Бартону удручающе унылым, и им овладело сильнейшее, дотоле ему неведомое беспокойство.

Шаги преследовали Бартона до самого конца одинокой улицы, и ему потребовалось немало гордого упрямства, чтобы с перепугу не пуститься бежать со всех ног. Только достигнув своей квартиры и усевшись у камелька, он успокоился настолько, что смог восстановить в памяти и обдумать свое обескураживающее приключение. Самой малости, в сущности, достаточно, чтобы поколебать гордыню скептика и доказать власть над нами старых добрых законов природы.

Глава II

Наблюдатель

Когда на следующее утро за поздним завтраком мистер Бартон обдумывал вчерашнее происшествие – скорее критически, чем с суеверным страхом, ибо ободряющее влияние дневного света быстро вытесняет мрачные впечатления, – слуга положил на стол перед ним письмо, только что принесенное почтальоном.

В надписи на конверте не обнаружилось ничего примечательного, за исключением того, что почерк был Бартону неизвестен. Возможно, надпись была сделана измененным почерком: высокие буквы клонились влево. Несколько взволновавшись, как бывает в подобных случаях со всеми, Бартон целую минуту изучал конверт, прежде чем сломать печать. После чего он прочел письмо, написанное той же рукой:

*«Мистер Бартон, бывший капитан „Дельфина“, предупреждается об опасности. Он поступит мудро, если будет избегать ***-стрит (тут было названо место вчерашнего приключения). Если он не прекратит ходить там, то быть беде – пусть запомнит это раз навсегда, ибо ему следует страшиться Наблюдателя».*

Капитан Бартон читал и перечитывал это странное послание, изучал его то так, то эдак, под разными углами, рассматривал бумагу, на которой оно было написано, и заново вглядывался в почерк. Ничего не добившись, он обратил внимание на печать. Это был просто кусок воска, на котором слабо виднелся случайный отпечаток пальца.

Ни малейшей зацепки, ничего, что могло привести хотя бы к догадке о происхождении письма. Казалось, цель автора – оказать услугу, и в то же время он объявлял себя тем, кого «следует страшиться». Все вместе – и письмо, и его автор, и истинные цели последнего – представляло собой неразрешимую головоломку, к тому же самым неприятным образом напоминавшую о событиях минувшей ночи.

Повинуясь какому-то чувству – возможно, гордости, – мистер Бартон никому, даже своей нареченной невесте, не сообщил об описанных выше происшествиях. Казалось бы, незначительные, они крайне неприятно поразили его воображение, и исповедоваться в том, что упомянутая молодая леди могла бы счесть свидетельством слабости, ему не хотелось. Письмо вполне могло оказаться всего лишь шуткой, а загадочные шаги – галлюцинацией или трюком. Но хотя Бартон и вознамерился отнестись ко всей этой истории как к чепухе, не стоящей внимания, подспудно его мучили сомнения и догадки, угнетали смутные предчувствия. И разумеется, Бартон долгое время избегал улицы, упомянутой в письме как опасное место.

В последующую неделю ничто не напомнило капитану о содержании воспроизведенного мною письма, и тревожные впечатления постепенно изгладились из его памяти.

Однажды вечером, когда названный промежуток времени уже истек, мистер Бартон возвращался из театра, расположенного на Кроу-стрит. Усадив мисс Монтегю и леди Л. в их коляску, он немного поболтал с двумя-тремя знакомыми.

Однако у колледжа он расстался с ними и продолжил путь в одиночестве. Был уже час ночи, и улицы совершенно опустели. Пока Бартон шел в обществе приятелей, он по временам с болезненным чувством улавливал звуки шагов, которые следовали, казалось, за ними по пятам.

Раз или два он беспокойно оборачивался, опасаясь вновь столкнуться с теми загадочными и неприятными явлениями, которые на прошлой неделе выбили его из колеи, и очень

надеясь обнаружить какую-нибудь естественную причину непонятных звуков. Но улица была пуста – вокруг ни души.

Продолжая путь домой в одиночестве, капитан Бартон по-настоящему испугался, когда яснее, чем прежде, уловил хорошо знакомые звуки, от которых его теперь бросало в дрожь.

Чужие шаги, стихая и возобновляясь одновременно с его собственными, сопровождали Бартона вдоль глухой стены, окружавшей парк при колледже. Поступь невидимки была, как и прежде, неровной: то медлила, то, на протяжении двух десятков ярдов, ускорялась почти до бега. Снова и снова Бартон оборачивался, поминутно бросал украдкой быстрый взгляд через плечо, но никого не видел.

Неуловимый и незримый преследователь довел Бартона до сильнейшего раздражения; когда капитан наконец оказался дома, его нервы были так взвинчены, что он не мог заснуть и до самого рассвета даже не пытался лечь.

Разбудил его стук в дверь. Вошедший слуга протянул ему несколько писем, пришедших только что по почте. Одно из них мгновенно привлекло внимание Бартона – единственный взгляд на это письмо тут же стряхнул с него остатки сна. Он сразу узнал почерк и прочел следующее:

«Скрыться от меня, капитан Бартон, – все равно что убежать от собственной тени. Что бы ты ни делал, я буду являться каждый раз, когда вздумаю на тебя взглянуть, и ты тоже меня увидишь, прятаться я не собираюсь, не думай. Отдыхай себе спокойно, капитан Бартон, ведь если совесть у тебя чиста, то с чего бы тебе бояться Наблюдателя?»

Едва ли нужно говорить о том, с какими чувствами изучал Бартон это странное послание. Несколько дней всем было заметно, что вид у капитана отсутствующий и расстроенный, но о причине не догадывался никто.

Что бы он там ни думал по поводу призрачных шагов, следовавших за ним по пятам, но письма не были иллюзией, и их приход уж очень странно совпал с появлением таинственных звуков.

Смутно, инстинктивно разум Бартона связал нынешние приключения с некоторыми страницами из прошлой жизни – теми самыми, о которых капитану очень не хотелось вспоминать.

Однако случилось так, что, помимо приближавшейся свадьбы, капитана Бартона занимали тогда – вероятно, к счастью для него – дела, связанные с важным и долговременным судебным процессом, который касался прав собственности. Процесс поглотил его внимание целиком. Деловая суeta и спешка, естественно, рассеяли недавнее Бартона уныние, и в короткий срок к нему вернулось прежнее расположение духа.

Тем не менее все это время Бартона продолжали снова и снова пугать знакомые уже звуки, которые слышались ему в уединенных местах как ночью, так и днем. Теперь, однако, они были слабыми и отрывочными, и зачастую он с немалой радостью убеждался, что их вполне можно приписать разгоряченному воображению.

Однажды вечером Бартон направлялся к зданию палаты общин вместе со знакомым нам обоим членом парламента. Это был один из тех редких случаев, когда мне довелось общаться с капитаном Бартоном. Шагая рядом, я заметил, что вид у него отсутствующий. Его замкнутость и молчаливость свидетельствовали, казалось, о том, что над ним тяготеет какая-то всепоглощающая забота.

Позже я узнал, что все это время он слышал за спиной знакомые шаги.

Но такое произошло в последний раз. Наваждению, уже измучившему Бартона, предстояло теперь перейти в новую, совершенно иную стадию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.